

Глава LXIII. РАЗЛОЖЕНИЕ СЕКЦИЙ

Две враждебные силы стояли друг против друга в конце 1793 г.: Комитеты общественного спасения и общественной безопасности, которым подчинялся Конвент, и Парижская коммуна. Настоящая сила Коммуны была, впрочем, не в отдельных людях, как бы они ни были популярны: не в ее мэре Паше, не в ее прокуроре Шометте или его помощнике Эбере, ни даже в ее Генеральном совете. Ее сила была в секциях. Вследствие чего центральное правительство и направило свои усилия к тому, чтобы секции подчинить своей власти.

Когда Конвент отнял у секций право самим созывать свои общие собрания по мере надобности, они начали создавать «народные общества», или «секционные общества». Но к этим обществам отнеслись очень недружелюбно якобинцы, которые становились вполне людьми правительственными; а потому в конце 1793 и в начале 1794 г. в Клубе якобинцев много говорилось против народных и секционных обществ, тем более что роялисты в то время делали усилия, чтобы овладеть ими. «Из трупa монархии, — говорил один из якобинцев, Симонд, — вышло несметное количество ядовитых насекомых, которые не так глупы, чтобы надеяться на воскресение трупa»; они стараются поддержать конвульсии в политической жизни страны*. В особенности в провинции эти «насекомые» пользовались успехом. Множество эмигрантов, продолжал Симонд, «законников, финансистов, агентов старого порядка» наводняют деревни, овладевают народными обществами и становятся их президентами и секретарями.

*Societe des Jacobins. Recueil des documents. Red. et introd. par A. Aulard v, 1—6. Paris, 1889—1897, v. 5, p. 723.

Нет никакого сомнения, что народные общества, которые в Париже были не что иное, как собрания секций, организовавшихся под другим именем*, вскоре «очистились» бы сами, без постороннего вмешательства, т. е. исключили бы скрывавшихся в них роялистов и продолжали бы дело секций. Но вся их деятельность не нравилась якобинцам, которые относились враждебно к этим «новичкам», превосходившим их в «патриотизме» (т. е. в преданности революции). «Их послушать, — говорил Симонд, — так выходит, что патриоты 89 года... не что иное, как усталые и заезженные клячи, которых надо приколоть, потому что они не могут поспевать за новичками на пути революции». И он выдавал истинные опасения и страхи якобинской буржуазии, когда говорил о «новом, четвертом Законодательном собрании», которое эти «новички» хотят созвать, чтобы идти дальше, чем шел Конвент. «Наши злейшие враги, — прибавлял Жанбон Сент-Андре, — не за дверьми нашего собрания; мы их видим: они среди нас; они хотят идти дальше нас в революционных мерах»**.

*См. у Мелье статуты народного общества, организованного секцией Пуассоньер (Mellie E. Les sections de Paris pendant la Revolution. Paris, 1898).

**Societe des Jacobins, v. 5, p. 624—625.

После чего Дюфурни говорил против всех секционных обществ, а Дешан называл их «маленькими вандеями». Что же касается Робеспьера, то он немедленно выступил со своим любимым аргументом «происки иностранцев!». «Мои опасения, — говорил он, — к сожалению, вполне оправдались. Вы видите, как контрреволюционное лицемерие преобладает в этих обществах. Агенты Пруссии, Англии и Австрии хотят этим способом уничтожить власть Конвента и патриотический авторитет Якобинского общества»*.

*Ibid., vol. 5, p. 578, заседание 26 декабря 1793 г. Когда кордельер Моморо решился заметить, что кордельеры часто себя спрашивали, имеют ли они право мешать образованию народных обществ, так как «право собираться в народные общества священо», Робеспьер сухо ответил ему: «Все, что предписывается общественным спасением, несомненно, согласно с принципами».

Враждебное отношение якобинцев к народным обществам, очевидно, было враждебностью по отношению к самим секциям города Парижа и к таким же организациям в провинциях; это была враждебность всякого центрального правительства к народному самоуправлению. Таким образом, как только революционное правительство было утверждено декретом 14 фримера II года (4 декабря 1793 г.), право выбирать мировых судей и их секретарей — право, присвоенное себе секциями еще в 1789 г. и впоследствии утвержденное за ними законом, было отнято у них. Судьи и секретари должны были впредь назначаться Генеральным Советом департамента (декреты 28 декабря 1793 г. и 12 мая 1794 г.). Мало того, даже право секций выбирать свои комитеты общественной благотворительности было отнято у них в декабре 1793 г. и было взято в свои руки Комитетами общественного спасения и общественной безопасности!

Народная революционная организация секций была подрезана, таким образом, в самом корне.

Но всего лучше выступает основная мысль якобинского правительства в том, как оно сосредоточило в своих руках все полицейские обязанности. Мы видели (гл. XXIV), какое значение приобрели секции как органы муниципальной и революционной жизни Парижа; мы упоминали о том, что они делали для снабжения города жизненными припасами, для записывания волонтеров, для организации вооружения и отправки батальонов на войну, для фабрикации селитры*, для организации труда, для безработных и неимущих и т. п. Но рядом с этими обязанностями секции города Парижа и других больших городов отправляли также и полицейские обязанности. В Париже это уже началось с 14 июля 1789 г., когда сформировались «окружные комитеты»**, взявшие на себя полицейские обязанности. Закон 6 сентября 1789 г. утвердил их в этих обязанностях, а в следующем октябре парижский муниципалитет, еще временный в ту пору, устроил свою тайную полицию под названием комитета расследований.

*Так как купить ее для выделки пороха было негде, то выскребали осадки селитры на стенах старых погребов.

**Париж подразделялся тогда на округа.

Таким образом муниципалитет, хотя и зародился сам из революции, возвращался к одной из худших традиций старого порядка — тайной полиции. После 10 августа 1792 г.

Законодательное собрание постановило, что вся «полиция общественной безопасности» должна перейти в руки советов, департаментских, окружных и муниципальных; и под руководством одного общего Комитета надзора были установлены подчиненные ему полицейские комитеты в каждой секции. Вскоре, впрочем, по мере того как борьба между революцией и ее противниками становилась все ожесточеннее, эти Комитеты были завалены работой, а потому 21 марта 1793 г. в каждой коммуне и в каждой секции коммуны в больших городах, разделенных, как Париж, на секции, были установлены особые революционные комитеты, из 12 членов каждый*.

*См. права, данные секцией Пантеона своему комитету, у Мелье (Mellie E. Les sections de Paris pendant la Revolution, p. 185).

Таким образом секции через посредство своих революционных комитетов обращались в полицейские учреждения. Правда, круг действия этих комитетов был ограничен сперва надзором за иностранцами; но мало-помалу они приобрели права, такие же обширные, как и управление тайной полиции в монархическом государстве. В то же время можно было проследить, как секции, бывшие сперва органами народной революции, понемногу подавлялись по лицейским обязанностям своих комитетов, а сами эти комитеты, все более и более теряя характер муниципальных органов, обращались во второстепенные органы полицейского надзора, всецело подчиненные Комитету общественной безопасности*.

*Les sections de Paris pendant la Revolution, p. 189 et suiv., — где даны интересные подробности об органе тайной полиции, называвшемся Комитетом общественного спасения парижского департамента, и другие сведения в том же роде.

Комитеты общественного спасения и общественной безопасности отделили таким образом революционные комитеты от своей соперницы, Парижской коммуны, которую они ослабили этим способом. Приучая же секции и их комитеты к повиновению, они обращали их понемногу в части государственного, чиновничьего механизма. Наконец, под предлогом прекращения злоупотреблений Конвент обратил их в своих чиновников на жаловании и вместе с тем подчинил все 40 тыс. революционных комитетов Комитету общественной безопасности. Ему же вместе с тем дано было право производить чистку этих комитетов и самому назначать их членов.

Стремясь все централизовать в своих руках, как это делала монархия в XVII в., центральное государственное чиновничество республики отняло таким образом у народного самоуправления право выбора судей, администрации благотворительности, распоряжения массой хозяйственных дел, сношения с армией и т. д., а также ограничило его в других

отправлениях и, наконец, вполне подчинило себе в делах полиции.

Но этим самым государство окончательно убило секции, революционные муниципалитеты и революционный дух. Почва подготавливалась для реакции.

В самом деле, после этого секции в Париже и народные общества в провинциях окончательно умерли. Государство поглотило их. И их смерть была смертью революции. С января 1794 г. общественная жизнь Парижа была убита, говорит Мишле. «Общие собрания секций не проявляли больше жизни; вся власть перешла к их революционным комитетам; а эти комитеты, перестав быть выборными и обратившись в чиновников, назначаемых правительством, тоже не проявляли жизненности».

Теперь, когда якобинскому правительству заблагорассудилось раздавить Парижскую коммуну, оно могло это сделать, не опасаясь за свое существование. Так оно и сделало через два месяца, в марте 1794 г.